

Глеб ОКЕАНОВ

Москва

Родился в Уфе. Окончил Литературный институт имени Горького. Пишет фантастику и реализм. Участник писательского семинара «Мы выросли в России» в Петрозаводске (ноябрь 2022 года). Печатался в журнале «Новая Литература».

МУХИ В ЯНТАРЕ

— Ну давай же... бери трубку...

«Абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позже».

Я оторвал телефон от уха, дисплей от щеки, надежду от сердца. Она не брала, ни один из множества её несложных номеров не отвечал.

Неужели всё было так плохо, так мизерно и... пластмасово, что можно просто забыть об этом, взять и вычеркнуть вместе со мной?

Я откинулся на спинку скамейки. Сидел я в цветистом парке спального района. Сидел весь день, в молчании, в этом столбняке, внимая лишь перестукам сердца. Я не знал даже, о чём бы мне подумать и уместно ли сейчас думать о чём-то бытовом, я лишь смиренным псом разглядывал пейзаж: осень, парк, жёлтые листья-чипсы ржавеющих крон и их ниагарский листопад, а птичьи крики — словно полифоническая мелодия дешёвого мобильного-раскладушки. Отличное место, чтобы решить всё сызнова, составить план на будущее, но мне не хотелось всем этим заниматься, неохота суетиться. Я просто посижу, думал я, выкину из головы всё, что только есть, отключу все зависшие ненужные процессы. Нет, я не сдамся, не сойду с ума, и нервных срывов у меня не будет, только один день я позволю себе отдохнуть от законов жизни и мелочных правил серого быта.

И именно в такой момент я стал свидетелем занимательной картины. По парковой аллее очень медленно и неприметно молодая симпатичная девушка толкала инвалидную

коляску со старцем. Они двигались неторопливо. Старик улыбался и смотрел всё время куда-то вверх, головой не вертел, лишь ноздри раздувал сильно, словно пытался втянуть внутрь весь парк, вместе с лужами, с птицами, со мной. Девушка со взглядом, полным как будто блаженной до ненормального неги, смотрела вперёд себя, задумавшись о чём-то своём, недоступном для других.

Коляска остановилась прямо напротив, у другой скамейки. Девушка застелила скамейку газетами, которые подал ей старик. Убедившись, что покрыла всю поверхность достаточно плотно, чтобы липкая грязь не промочила бумагу насквозь, она подошла к коляске поближе к себе и скамейке и обняла старика сзади, тот напряг, как мог, руки, упёршись в подлокотники, и вместе они с трудом оторвали его тело от коляски и усадили на скамью.

Девушка спросила о чём-то старика, тот кивнул и по-доброму, улыбочиво и шутливо отмахнулся; она тоже кивнула и вытащила из коляски маленькую книжку в твёрдой обложке. Сумочки я у неё не заметил.

Старик распластался по скамейке, точно мёртвый, лишь довольная мальчишеская улыбка и рука, отбивающая по коленке одному ему известный ритм, выказывали в нём живого человека.

Девушка читала книгу, но старик постоянно о чём-то спрашивал её, тогда она клала книгу на газету, на секунду задумывалась, как и что ответить, и после её ответа старик ещё больше улыбался, кивал головой и снова отворачивался в сторону. Так повторилось ещё несколько раз. Чуть позже девушка уже и забыла о книге, сидела спокойно, удовлетворённо, как и старик, отвечала на все его, как мне показалось, по-детски любопытные вопросы, а когда он ничего не спрашивал, просто смотрела куда-то, как будто внутрь себя.

Я глядел прямо на них — некуда больше, да и не хотелось смотреть на кого-то другого, потому как именно в этих людях я увидел что-то доселе прятавшееся от меня.

Мимо их скамейки пробежала толпа ребят, пинавших мяч по лужам. Они все кинули непродолжительный взгляд на эту пару: кто-то посмотрел в ту сторону и ничего

не заметил, другой поморщился брезгливо... Но один мальчишка застыл на месте, так что другой, бежавший за ним, чуть его не повалил. А тот всё стоял, облитый из лужи, друзья отбежали от него достаточно далеко, но даже не заметили, что он отстал, а мальчик так и продолжал стоять напротив инвалида и глупо пялился на него, не моргая.

Откуда я это знаю? Ведь я же видел только спину мальчика, да и старика он собой закрыл. Просто догадываюсь, но уверен: всё именно так и происходило. Он стоял, стоял и смотрел, как вдруг старец повернул голову к нему и взглянул пустотой прямо в глаза. Старик — слепец, но смотрел он пацану именно в глаза. Они стояли друг напротив друга, смотрели один на другого, ничего не говоря, даже девушка заметила это: перевела взгляд со старика на мальчишку и улыбнулась, улыбнулась так, что и мальчик, не выдержав, тоже улыбнулся. Улыбался я, улыбался старик, улыбался Бог.

Мальчика окликнули друзья, он глянул на них, перевёл взгляд на старика, на девушку, хотел что-то сказать, но сам не понимал, что именно.

— Иди-иди, — смеясь, произнесла девушка.

— До свидания.

Мальчик убежал, девушка помахала ему и откинула голову к небу, старик с улыбкой обернулся на пение какой-то птицы и прислушался.

— Эх, люди, люди... — сказал я самому себе, не зная, что имею в виду.

— Пойдём, дедушка?

Я поднял взгляд и увидел, как внучка перетащила деда обратно в коляску. Я дёрнулся помочь, но она справилась с этим с привычной сноровкой, словно делала это всю свою жизнь. А может, так оно и есть. Может, её больной дедушка — единственное важное занятие в её жизни... а может, это вздор, и сейчас она привезёт его домой, уложит спать, а сама рванёт ночью на дискотеку... К чему эти мысли?

Я попытался сделать непричастный вид, но краем глаза увидел взгляд девушки, заметившей моё движение.

Коляска поехала прочь, обратно, откуда появилась час назад. Целый час... я просто сидел и смотрел на них...

чувство такое, словно бы я медитировал всё это время... и голова прояснилась... Они отдалялись, а я не хотел, чтобы они уходили, не хотел терять покой, мир, что-то высокое, чем веяло от них, так что даже мальчик почувствовал это.

Девушка обернулась через плечо и посмотрела на меня, я взглянул на неё, глаза в глаза, и опустил стыдливо и боязливо взгляд. Я грустно, убитый сам не знаю чем, оглядел этот чудесный парк, его кусты и деревья, не зная, что бы сделать такое, чего же просит непонятная моя душонка. Начинал крапать дождь — сегодня утром уже шёл ливень, я как раз попал под него, когда шагал сюда. Я посмотрел на скамейку, на которой сидели слепой старик и его внучка, там, всё на том же месте, лежала её книга, пока не тронутая шальными каплями начинающегося дождя. Я поднялся с пригретого места, взял книгу со скамейки (стихи Эдуарда Асадова) и побежал за ними.

Лишь я её окликнул, девушка остановилась, словно бы ждала этого; я подбежал, протянул книгу, девушка и её дед меня поблагодарили, а я не знал, чем закончить только зародившийся разговор. Девушка смотрела на меня, я на неё, я не хотел уходить, не хотел прекращать «это»... Мне требовалось чудо. Внезапно зарядил сильный дождь, я достал зонт, прикрыл им старичка и сам с девушкой спрятался под ним же, и вместе, втроём, мы пошли вперёд. В кармане наконец зазвонил мобильный, но я его выключил.

Я катил вперёд коляску, Настя шла рядом, прикрыв зонтом себя, Игната Глебовича и чуть-чуть меня. Сегодня мы разговорились: старичок расспрашивал меня обо всём на свете, я отвечал по мере моих знаний и находчивости, Настенька смеялась, я тоже.

Мы пошли вместе по жизни, плача и смеясь, радуясь тому янтарному и солнечному, сладкому, как мёд, и прочному, как камень, миру, что окружает нас, казалось бы, ничтожных мошек, которые всё-таки достойны почему-то жить, которые умеют любить и способны в один прекрасный день, когда окончится наша земная жизнь, став из какой-то жалкой мошки — чёрт побери! — прекрасной бабочкой, вознестись беспечно ввысь.